

Михаил Волконский

ДВА МАГА

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В67

Волконский, М.

В67 Два мага / М. Волконский. — М.: T8RUGRAM, 2018. — 262 с.

ISBN 978-5-521-05948-5

Михаил Николаевич Волконский (1860–1917) — русский писатель и драматург, получивший признание благодаря своим историческим и пародийным произведениям.

«Два мага» — увлекательный роман с элементами мистики. На фоне русско-турецкой войны разворачиваются удивительные события, связанные со странным медальоном, ставшим предметом интереса сразу нескольких людей.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В67
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-05948-5

© T8RUGRAM, оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Граф Феникс.....	5
Объяснение.....	14
Кутра-Рари.....	29
В поисках медальона.....	33
На свете нет тайны.....	45
Опять Кутра-Рари.....	52
Правдивое видение.....	59
После дуэли.....	66
У светлейшего.....	74
Брат Иосиф.....	83
Что случилось с Надей.....	89
Опять медальон.....	93
Новые сведения.....	102
Радость.....	110
В маскараде.....	115
Тяжелое свидание.....	129
Заботы светлейшего.....	137
Удача Кулугина.....	141
Помощь индуса.....	148
Важное сообщение.....	157
Лечение графа.....	166

Союзники	179
Похищение.....	187
Куда девались копии документов	196
Уловка Феникса.....	203
Что рассказал Цветинский	211
Заговор	222
Медальон снова найден.....	233
Расплата	247
Еще раз Надя	258
Эпилог	260

ГРАФ ФЕНИКС

В роскошном доме на Острове у екатерининского вельможи, богатого барина Елагина, шли приготовления к парадному обеду. Стол готовили в саду, вблизи круглой беседки, обсаженной деревьями и розами и украшенной статуями. Беседка с ее живыми стенами должна была заменить гостиную.

День стоял солнечный. Погода как нельзя лучше благоприятствовала готовившемуся празднику.

Лакеи елагинской дворни в желтых livреях с синей выпушкой и позументами суетились вокруг длинного, покрытого белой шелковой скатертью стола, уставляя его посудой, серебром, хрусталем, вазами с редкими фруктами и цветами. Лужайка под столом была устлана коврами. Среди розовых кустов было устроено возвышение, где размещались певчие и роговые музыканты.

Гости подъезжали к парадному крыльцу дома, и хозяин встречал их в комнатах, откуда они должны были под звуки музыки проследовать попарно в полонезе в сад, к столу.

Среди карет, заполнивших уже широкую площадку перед крыльцом, обращала на себя внимание одна, совсем непохожая на другие. Она была вся белая, с белой же штофной обивкой внутри, и запряжена четверкой белых без отметин лошадей цугом. Лакеи и кучер при ней были одеты тоже в белые суконные кафтаны и шляпы со страусовыми перьями, каким мог позавидовать любой щеголь. На петлицах кафтанов слуг и на белой лакированной упряжи блестели золотые графские короны, а на дверцах кареты был нарисован под такой же короной

герб, носивший в щите своем изображение замысловатой птицы.

Карета принадлежала графу Фениксу, иностранцу, приехавшему недавно в Петербург и заставившему уже говорить о себе.

Никто не знал хорошо, кто был этот до некоторой степени таинственный граф и к какой собственно национальности принадлежал он. Говорил он одинаково хорошо, без акцента, на немецком, французском и итальянском языках. По-русски он тоже мог изъясняться, хотя довольно плохо.

Пока заинтересовал он общество, во-первых, поразительной роскошью, с которой сразу повел свою жизнь в Петербурге, а во-вторых, оригинальностью своих привычек и обстановки.

Занял он дом за городом, на берегу реки Фонтанной, дом, принадлежавший князьям Туровским и стоявший долгое время с заколоченными ставнями и запертыми дверьми. Этот дом был отделан заново для графа Феникса, и притом не совсем по-обыкновенному.

Сразу поражала огромная передняя, куда вела широкая входная лестница. Последняя была затянута черным сукном, стены передней — тоже. По черному сукну на стенах были сделаны серебряные изображения скелетов и черепов. Входная дверь постоянно оставалась незапертой, и входивший большей частью не находил вовсе слуг ни на лестнице, ни в передней, ни дальше в комнатах. В одной из них встречал его сам хозяин и приветливо приглашал садиться.

Граф Феникс, однако, любезно приглашал каждого, вошедшего к нему, совершенно не обращая внимания на

его общественное положение и на то, бывал ли знаком с ним или нет. Ночью двери не запирались так же, как и днем, и единственными сторожами дома были черепа и скелеты на стенах передней. Всю ночь окна по фасаду были освещены, и свет их потухал лишь с зарею, загашенный невидимой рукой.

Все, начиная с этого дома, обстановки, упряжи и кончая самой ничтожной вещью, было у графа богато и совсем особенно.

К Елагину он приехал в черном бархатном одеянии, с огромными бриллиантами в кружевном жабо и на пряжках башмаков. Эти бриллианты составляли единственную роскошь его костюма, но зато ценою их можно было оплатить все расшитые золотом и шелками кафтаны остальных гостей.

Граф Феникс держался несколько в стороне и делал вид, что не замечает того любопытства, с которым кругом глядели на него. Среди гостей, глядевших с любопытством на графа, был один молодой офицер, не спускавший с него глаз с той самой минуты, как он приехал. Этот офицер, сначала робко, потом несколько смелее приближался к графу и, наконец, очутившись возле него, решился заговорить:

— Граф, — сказал он по-французски, понижая голос до шепота, — мне сказали, что вы все можете?

Граф Феникс оглянулся и обратился к молодому человеку с улыбкой, которая сразу, по-видимому, произвела ободряющее действие на офицера.

— Позвольте представиться вам, — заговорил он твердо, — офицер русской гвардии...

— Ваша фамилия Кулугин? Не так ли? — спросил, перебивая, граф все с той же улыбкой.

— Вам известно мое имя, граф?

— В этом нет ничего сверхъестественного, — ответил Феникс, — ведь вам же известно мое... И потом, вы сами говорите, что я могу все...

— Да, меня уверяли так, и теперь я вижу, что не лгали, уверяя. В том, что я знаю ваше имя, нет ничего мудреного: оно на языке у всех с тех пор, как вы приехали в Петербург, но мое слишком мало известно... Если вы можете, помогите мне, граф...

— В чем я должен помочь вам?

— Я знаю, что вы не похожи на других, что вы человек совсем особенный, и потому решился прямо обратиться к вам. Дело идет о моей жизни...

— Значит, о любви. Вашим годам свойственно любовь смешивать с жизнью. Вы влюблены, молодой человек?

Кулугин опустил глаза и ничего не ответил, только краска покрыла его щеки.

— Кто же она? — продолжал граф. — Разумеется, она прелестна, но обладает сердцем настолько черствым, что предпочитает другого?

Кулугин глянул в лицо Фениксу.

— Вы и это знаете?

— История слишком старая и слишком часто повторяющаяся, чтобы не знать ее. Что же вы думаете, что я торгую любовным эликсиром и дам вам чудодейственные капли, которые заставляют равнодушные превращаться в любовь?

— Я ничего не думаю, — упавшим голосом проговорил Кулугин, — я знаю только, что я в отчаянии. В ту минуту,

когда мы разговариваем с вами, они теперь здесь, в саду. И вы можете себе представить, что испытываю я?

— Кто же она такая?

— Воспитанница здешнего хозяина...

— Воспитанница Елагина? — переспросил Феникс, вдруг делаясь серьезным. — В таком случае проведите меня в сад...

— Вы хотите идти в сад, граф?

— Ну да! Разве кто-нибудь нам может помешать погулять по саду, вместо того чтобы стоять здесь, в духоте? Угодно вам пройти со мной? — и, сказав это нарочно громко, чтобы слышали окружающие, граф Феникс направился к стеклянной двери, выходившей на садовую террасу.

Кулутин с сильно бьющимся сердцем последовал за ним.

— Что вы хотите сделать? — стал спрашивать он графа, нагнав его в саду.

— Решительно ничего особенного. Хочу только увидеть и услышать. Вы наверное знаете, что она в саду?

— Наверное. Я слышал, как Елагин послал ее напомнить музыкантам, чтобы они не прозевали знака, когда начинать им играть. Она вышла, и вслед за нею вышел он, мой соперник. Я следил за ним глазами и удивился его смелости. Кроме меня, и другие могли заметить. Это компрометирует девушку.

— А вы знаете, где расположены музыканты в саду?

— Очевидно, на эстраде, возле стола; так всегда бывает здесь. Стол накрывают у большой беседки.

— А, там есть беседка! Ведите меня к ней, чтобы мы очутились как-нибудь сзади, если можно — закрытые зеленью...

— Граф, нас могут заметить!

— Что ж из того? Если заметят, то увидят только, что мы гуляем по саду.

— И вы не боитесь, что ваше отсутствие покажется странным в то время, как все ждут приезда светлейшего?

На праздник Елагина должен был явиться светлейший князь Потемкин, и его приезда ждали все.

— Пусть мое отсутствие покажется странным! Разве я боюсь этого? — ответил граф Феникс.

— Вы не хотите видеть светлейшего?

— Напротив! Я приехал только ради того, чтобы его увидеть. Мне нужно познакомиться с ним, и чем скорее, тем лучше. И я увижусь и познакомлюсь... А пока ведите меня к беседке.

Кулугин не разговаривал долго и повел графа окольной дорожкой. Они неслышно подошли к густому кусту акации, росшей позади беседки. Она была сквозная, сколоченная из дранок, окрашенных в зеленый цвет. Граф Феникс выбрал удобное место, откуда сквозь ветви акации было отлично видно, и остановился.

В беседке стояла молодая, хорошенькая Надя, воспитанница Елагина, в пышном белом платье и с высокой прической, делавшей ее личико особенно милостивым. Молодой человек в блестящей форме адъютанта держал ее руку.

— Надя, милая, хорошая, я боюсь за вас, — говорил он, — сам не знаю почему, но боюсь... Предчувствие говорит мне...

— Отчего же боитесь, Николай Семенович? Почему вам надо бояться за меня? — переспросила она, глядя на